

С тех пор как он узнал этого человека, он всё глубже погружался в пучину падения, из которой нет возврата.

Белёсый пар скрывал от него цвет неба, даруя лишь призрачное чувство защищённости. Столь постыдная картина — даже звёзды отвели бы взгляд...

— А... хватит... перестань... не надо...

Он мог вынести любые жестокие издевательства, но только не это. Одно воображение рисовало такие картины, что кружилась голова, а уж когда это происходило наяву, обнажая всю его суть...

Фан Боцяо, закрыв лицо руками, беспомощно лежал на плоском камне. Его ноги, раздвинутые силой, неконтролируемо дрожали, а между ними притаился зверь, предаваясь безумству. Самое уязвимое и чувствительное место оказалось в тесном, горячем плену, принимая искусные и злонамеренные ласки: движения языка, всасывания, трение губ... Каждое жестокое прикосновение заставляло его невольно вздрагивать и стонать, а тело — биться в конвульсиях, словно в предсмертной агонии. Он густо покраснел и изо всех сил пытался оттолкнуть голову, зарытую в его бёдра, но это лишь вызывало ещё более яростную атаку. Наконец, он не выдержал: последняя плотина рухнула, и с тихим всхлипом он излился в рот мужчине.

— Ты заходишь слишком далеко... — обессиленно прошептал он. Огромный стыд камнем лежал на сердце, и как бы часто мужчина ни проделывал с ним подобное, избавиться от этого чувства не удавалось.

— Далеко? Тебе ведь было так приятно, почему бы не признаться честно?

Не желая останавливаться, Пэй Чэн провёл губами вниз, играючи покусывая нежную кожу на внутренней стороне бёдер и оставляя там багровые следы.

— Ты ведь обещал... что больше никогда не будешь делать со мной... такое... — эти слова было невыносимо произносить вслух!

— Что я тебе обещал? М? — Пэй Чэн наотрез отказался признавать свои слова. Он рывком поднял Фан Боцяо, схватил его за подбородок и притянул к своему низу, заставляя как следует рассмотреть свой возбуждённый орган. — Теперь твоя очередь.

— Что... — Фан Боцяо побледнел, широко распахнув глаза в неверии. — Ты... ты шутишь!

Чтобы он... такое... как он может на это пойти!?

— Не будь таким эгоистом, получая удовольствие в одиночку. Я столько раз прислуживал тебе, пора бы и отплатить. Полизать, потянуть — это же даже младенец умеет, неужели скажешь, что не справишься? Я столько раз показывал тебе, как это делается...

— Пэй Чэн!

Столь откровенные речи мужчины довели Фан Боцяо до грани отчаяния. Он закусил губу, отчаянно отводя взгляд, чтобы не смотреть на пугающе огромный инструмент прямо перед собой.

Разве тот не только что терзал его тело изнутри... почему опять...

— Не хочешь? Это всего лишь губы и язык, куда проще, чем полноценный акт... — Пэй Чэн намеренно ввёл палец ему в рот и пошевелил им. — Сам же знаешь, рот сверху гораздо больше, чем тот, что внизу. Как ни крути, больно не будет, тебе нечего бояться...

— Нет! Не надо! — Фан Боцяо отчаянно замотал головой. Его бледное лицо в клубах горячего пара подёрнулось лёгким румянцем. — Пожалуйста... перестань это говорить!

Этот бесстыдный мерзавец... были ли вообще слова, которые он не посмел бы произнести!

— Раз так реагируешь, значит, ты всё ещё девственник? — Пэй Чэн некоторое время созерцал его редкое смущение, а затем притянул к себе. — Ладно, прощаю.

Не ожидая столь лёгкого ответа, Фан Боцяо удивлённо поднял на него глаза и тут же судорожно выдохнул: длинный палец уже проник в него.

— Тогда тебе придётся подготовиться к тому, что будет здесь.

Болезненно напряжённый орган уже рвался в бой, готовый в любой момент войти глубоко и начать бесцеремонно терзать узкий проход.

При мысли о грядущем шторме тело Фан Боцяо содрогнулось. Словно ему было всё мало — снова и снова эти безумные, неистовые удары тел...

— Почему... — он вцепился в плечи мужчины, сжимая зубы и позволяя ему мастерски растягивать своё сокровенное место. — Почему твоё либидо так ненормально высоко... Ты ведь только что получил так много...

Он чувствовал, что больше не в силах выносить его безграничную жажду.

— У меня всегда были высокие потребности, — Пэй Чэн вытащил палец и спокойно добавил: — Раньше я спал со многими. Но теперь... только с тобой. И так будет всегда.

Он сделал паузу, не мигая, пристально глядя ему в глаза.

— Ты понял, о чём я?

Словно электрический разряд ударил в самое сердце — эта слабая, размером с кулак плоть в груди судорожно сжалась. Долгие подозрения наконец стали реальностью. Струна лопнула, дверь распахнулась, и он понял: этот человек перед ним без колебаний идёт вперёд.

И тянет его за собой.

Он наступал шаг за шагом, а Фан Боцяо отступал, пока не упёрся в стену.

— Нет... это невозможно! — Не в силах выдержать пристального взгляда Пэй Чэна, Фан Боцяо опустил глаза, закрыл уши руками и принялся качать головой, без конца повторяя: — Невозможно, невозможно...

Пэй, который никогда не воспринимал отношения всерьёз, для которого слово верность было чем-то из области фантастики, двумя параллельными прямыми... Он никогда никому не обещал преданности, сама мысль об этом казалась абсурдной...

Но он знал, что Пэй Чэн никогда не лжёт. Если он сказал это, то какой смысл в его словах? Неужели... он до сих пор может притворяться, что не понимает?

— Почему невозможно? Ты смеешь сомневаться в моих словах? — на лице Пэй Чэна отразилось недовольство. Он внезапно обхватил его за талию и с силой подался вверх, с удовлетворением услышав испуганный вскрик. — Кем ты меня считаешь? Или ты хочешь, чтобы помимо тебя я спал с кучей других людей? О чём ты только думаешь!

Яростное вторжение, сопровождаемое шокирующими словами, навалилось на него, заставив сознание погрузиться в пустоту. Ошеломлённый взгляд встретился с прямолинейными, но глубокими и бесстрастными глазами мужчины, и Фан Боцяо тут же отвёл глаза.

— Перестань... у-у... ты понимаешь... что говоришь... — с трудом выдавил он сквозь череду непрерывных атак, его мысли смешались в кашу. Если бы у него остались силы в ногах, он бы, не раздумывая, сбежал от всего этого.

— Понимаю.

— Я мужчина... такой же, как ты...

— Понимаю.

— Почему я... а твои остальные женщины...

Пэй Чэн внезапно замер и повернул его лицо к себе.

— Тебе не нравится заниматься со мной любовью? — совершенно неожиданно спросил он.

Фан Боцяо замер, и вся кровь бросилась ему в лицо.

— Ч-что?

— Хотя каждый раз, когда я беру тебя, ты делаешь такой вид, будто это против твоей воли, я не верю, что ты не получаешь от этого ни капли удовольствия... Ты говорил, что если бы не турнир, ты бы не позволил мне и пальцем тебя коснуться... — В глазах Пэй Чэна блеснул пугающий холод. — Ты сказал правду? Ты... ненавидишь, когда я к тебе прикасаюсь? — Он допрашивал его с напором, не сводя сурового взгляда.

Фан Боцяо приоткрыл рот, не в силах вымолвить ни слова. Ему хотелось кивнуть и ответить утвердительно, но в горле будто застрял ком, не давая издать ни звука.

Скорее... скорее скажи это... скажи, что ненавидишь всё то, что этот человек с тобой вытворяет. Даже если тело постепенно привыкает, душа по-прежнему...

Если бы не контракт... если бы не...

Словно прошла целая вечность, он с трудом пошевелил губами и прошептал едва слышно:

— Я... я не знаю...

— Не знаешь? Хм... — Пэй Чэн насмешливо скривился. — Какой хитрый ответ. Ты что, водишь меня за нос?

— ... — Фан Боцяо лишь молча смотрел на него, не зная, что ответить.

Маска этого человека наконец полностью спала, но лицо под ней оказалось совсем не тем, что он привык видеть... Этот мужчина с ироничной усмешкой, в глазах которого не было ни намёка

на веселье, казался ему совершенно чужим. Сердце сжалось от необъяснимой тревоги... и едва уловимой боли.

— Зато я могу прямо сказать тебе, — Пэй Чэн провёл рукой по его лицу, очерчивая контуры его идеальных, словно дарованных богами черт, и не желая отпускать. — Я прекрасно знаю, чего хочу. Когда я впервые увидел тебя, в голове у меня было только одно... — Он наклонился и прошептал прямо в ухо: — Секс.

Фан Боцяо вздрогнул, в изумлении уставившись на него, лицо предательски вспыхнуло красным.

— ...Ты сумасшедший...

— Хм... я сумасшедший? Возможно. Ты — единственный, кто вызывает у меня такие сильные чувства. Даже если бы ты сам не пошёл на сделку, я бы всё равно нашёл способ заполучить тебя... Ты особенный... Чем дольше я тебя знаю, тем больше в этом убеждаюсь. Ты действительно...

Без всякого предупреждения Пэй Чэн внезапно высвободил зверя внутри него, пронзая насквозь. Уязвимое место снова оказалось в большой, властной руке, принимая грубые, лишённые нежности, но безотказно разжигающие страсть ласки.

— Я больше не буду спать с другими... Будь со мной. Не позволяй никому касаться тебя, кроме меня.

— Нет... нельзя... — Фан Боцяо тяжело дышал, беспомощно обмякнув в его объятиях и бессвязно шепча. Не говори больше... он не хочет слушать...

— Можно, — Пэй Чэн сдавил пульсирующий орган в своей руке, с вершины которого медленно просачивалось семя желания. — Твоё тело уже сказала да.

— У-у... — Проклятие...

Стиснув зубы и преодолевая невыносимую пытку, он больше не мог произнести ни слова в своё оправдание. Два тела слились в едином безумном ритме, а учащённое дыхание поглотило всё остальное.— Я не отпускаю тебя. Запомни это, Фан Боцяо.

В тот миг, когда он провалился в забытие, не в силах больше выносить охватившее его неистовство, он услышал, как тот прошептал это прямо на ухо.

Его сознание, а вслед за ним и душа, погрузились в бездонную пучину океана, в мгновение ока поглощённую тьмой.

В бесконечном мраке его сковали тяжелые путы тревоги и страха — словно сеть, они сжимались все туже, не давая ни вздохнуть, ни пошевелиться. Но в переплетениях этих нитей, казалось, было что-то еще... что-то, из-за чего он готов был добровольно оставаться в плену, и даже если бы так продолжалось всю жизнь, он бы не возражал.

Кто из них сошел с ума — и был ли он один? Это был всего лишь простой контракт. Когда же их отношения превратились в нечто подобное?

Этого уже не понять.

Пять секунд. Отставание в два очка.

Сквозь оглушительный гул трибун, отсчитывающих последние мгновения, он на бешеной скорости повел мяч, пересек центральную линию и рванулся прямо к зоне противника. Это был практически последний шанс на атаку.

Натянутая до предела струна в его сознании вдруг оборвалась, оставив после себя звенящую пустоту. В этот самый миг в голове билась лишь одна мысль: он должен забить!

Никаких промахов!

Одним резким разворотом он сбросил с хвоста защитника, но тут же, подобно хищной птице, крылья расправил другой игрок. Однако твердая решимость заставила его нервную систему работать на пределе возможностей, обретая сверхъестественную чуткость. Резко пригнувшись, он юркнул в узкую щель между противниками и, совершив движение, которое самому казалось невозможным, прорвал оборону.

Когда поле зрения очистилось, он увидел его — тот, кажется, только что оторвался от своего опекуна и стоял прямо впереди, ожидая паса.

Кровь, с неистовой скоростью бежавшая по венам, внезапно успокоилась, и даже оглушительный стук собственного сердца, отдававшийся в ушах, стих.

Хорошо.

Остался один шаг. Всего один. Стоит лишь передать мяч в руки этому человеку, и все будет...

—! — мир перед глазами содрогнулся.

Его... нога...!?

С неверием он смотрел, как мяч под странным углом вылетает из рук, а все вокруг вдруг начинает стремительно расти вверх... Его тело, переставшее слушаться, полетело вниз. Перед тем как с грохотом рухнуть на паркет, он оглянулся и увидел: то место, где должна была быть его левая нога, превратилось в нечто похожее на фарфор, а лодыжка покрылась сетью трещин.

Дзынь!

— ...Ух!

Фан Боцяо резко распахнул глаза.

Его встретила полутьма. Лишь слабый свет двух лампочек, вмонтированных в потолок, позволял кое-как разглядеть, где он находится. Грудь часто вздымалась, и даже не касаясь лба, он знал, что холодный пот уже пропитал волосы.

Сон...?

Устало прикрыв глаза, он инстинктивно потянулся к левой лодыжке, но стоило согнуть колено, как тело пронзила ноющая боль. Его лицо слегка вспыхнуло — он вспомнил долгую близость, закончившуюся лишь после его мольбы о пощаде.

Вернувшись с Востока, он продолжал ночевать в квартире Пэй Чэна. А так как завтра родители возвращались из Швейцарии, этот зверь в человеческом облике счел своим правом обладать им всю ночь напролет. Теперь ноги казались ватными, в них не осталось сил даже на то, чтобы сомкнуть их.

На губах Фан Боцяо появилась едва заметная горькая улыбка.

Даже с учетом изнурительных дневных тренировок в баскетбольной секции, почему его тело доходит до такого состояния? Почему он видит... подобные сны...? Он предпочел бы провалиться в забытие от усталости, но только не это...

Он медленно повернул голову, желая взглянуть на мужчину, только что посетившего его сон, и неожиданно встретился со светлыми, пронизательными глазами. Фан Боцяо вздрогнул и выпалил:

— Ты... ты проснулся? С каких пор...

— Я проснулся, когда проснулся ты, — Пэй Чэн протянул руку и убрал прядь с его лба. — Тебе снился кошмар? Ты весь в поту.

Фан Боцяо напрягся и лишь спустя мгновение ответил:

— ...Да.

— Какой кошмар?

— ...Забыл.

— Не лги мне. Врать у тебя не получается.

— ... — он помолчал, затем тихо добавил: — Ничего особенного... просто сон о том, что мы проиграли матч.

— Вот как? — уголки губ Пэй Чэна скривились в ироничной усмешке. — И это заставило тебя проснуться в таком состоянии?

— ...

— Ладно. Не хочешь говорить? Что ж, пока я не стану настаивать.

Пэй Чэн не сказал больше ни слова, притянул его к себе и поцеловал в распухшие, не успевшие отдохнуть губы.

— Ты опять... — Фан Боцяо действительно испугался и принялся мотать головой, уворачиваясь от внезапного нападения. — Пожалуйста... я больше не могу... завтра я... не смогу встать с постели...

— Тогда не вставай. Просто лежи здесь, тише воды, ниже травы, и забудь про свой дурацкий баскетбол.

— Нет... подожди...

Пэй Чэн, казалось, и не собирался останавливаться, продолжая целовать его нос, брови, глаза, щеки... Когда его губы коснулись чувствительного участка под ухом, который он знал досконально, Фан Боцяо не сдержал стона. Он уже было прикусил губу, чтобы замолчать, как вдруг мужчина, навалившийся сверху, без всякого предупреждения отстранился.

Фан Боцяо замер, ошеломленно распахнув глаза.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — сказал Пэй Чэн, убирая руки. Он натянул одеяло, сползшее до пояса, снова укрывая его обнаженное тело. — ...Спи давай.

— ...Пэй? — Фан Боцяо не мог поверить своим глазам, словно все еще пребывал во сне.

— Что? Ты ведь сам просил меня остановиться, — Пэй Чэн, подперев голову рукой, лениво смотрел на него. — ...Неужели ты говорил, что не хочешь, а на самом деле очень даже хотел?

— Нет... — Фан Боцяо смутился еще сильнее, и лицо его мгновенно вспыхнуло. — Ничего подобного! Не выдумывай.

— Звучит как оправдание.

Фан Боцяо не выдержал и сел в кровати:

— Пэй Чэн, ты...

— Кто просил тебя смотреть на меня такими глазами, словно ты возмущен, что я остановился...
— Пэй Чэн, не дав ему договорить, резко дернул его на себя. Застигнутый врасплох, Фан Боцяо рухнул на широкую, крепкую грудь и был намертво скован сильными руками. — Эй, я просто шучу... никакой выдержки.

Сверху раздался низкий вздох. У Фан Боцяо екнуло сердце, но он не стал вырываться и лишь тихо замер в его объятиях.

Тишина затянулась... Тот действительно больше не предпринимал попыток его коснуться. Измученный до предела, Фан Боцяо невольно начал закрывать глаза.

За мгновение до того, как его снова потянуло в сон, он почувствовал, как большая ладонь со спины переместилась к его лбу, смахнула челку и привычно погладила тот самый бледный шрам.

— Почему этот шрам никак не проходит?

— ...Какая разница...? — пробормотал он, засыпая.

— Это оставил кто-то другой, неприятно смотреть, — Пэй Чэн снова потер белую полоску и тихо хмыкнул: — Помнишь, раньше стоило мне коснуться этого места, как ты весь деревенел... Теперь уже нет?

— ...Это тебе показалось.

Спустя долгое время Фан Боцяо прошептал это в ответ. А затем замолчал.

Оказывается, его реакция была настолько очевидной, что даже он заметил.

Ведь в его понимании, такое поведение... свойственно лишь влюбленным.

— Боцяо, я слышал от твоего отца, ты собираешься отказаться от зачисления в спортивную школу по квоте и решил поступать через общий экзамен?

— Да.

— Это верное решение. — Доктор Чжан, просмотрев рентгеновские снимки, бегло осмотрел

левую лодыжку Фан Боцяо и покачал головой: — Вообще-то, дядя Чжан советовал бы тебе даже не участвовать в финальном чемпионате, но ты ведь все равно меня не слушаешь, верно?

— ...Я постараюсь быть осторожным.

— Верно, ты всегда был осмотрителен, именно поэтому тебе удалось благополучно дойти до четвертьфинала без обострений. Но финал — это уже другое дело. В такой атмосфере, да еще и против сильного соперника... дядя Чжан не может гарантировать, что с твоей лодыжкой все будет в порядке. Понимаешь?

Сын самого доктора Чжана учился в старшей школе Биньшань, известной своей баскетбольной командой, поэтому он прекрасно понимал, какой тяжелый бой предстоит Фан Боцяо.

— Я понимаю. Спасибо, дядя Чжан, — сказал Фан Боцяо, опустив голову, чтобы надеть обувь, и встал. — Скоро мы с отцом договорились пообедать. Дядя Чжан, не хотите присоединиться?

— Нет, у меня еще полно дел. Передай извинения отцу, — доктор Чжан махнул рукой и невольно вздохнул про себя.

Как у такого старого проказника, как доктор Фан, мог родиться настолько упрямый сын? Уму непостижимо...

Выйдя из ортопедического отделения, Фан Боцяо направился на другой этаж, прямо в кабинет отца. Поскольку после обеда ему нужно было вернуться в школу на дополнительные занятия, он был в форме, что привлекало внимание окружающих. Многие медработники узнавали в нем сына врача-хирурга и здоровались, на что он неизменно отвечал кивком.

Было уже за полдень, прием у отца должен был закончиться. Он постучал в приоткрытую дверь и, собравшись войти, неожиданно услышал голоса. Поколебавшись, он услышал бодрый голос отца:

— Боцяо? Заходи!

— ...Да.

Он вошел и увидел отца, сидящего на диване рядом с высоким мужчиной, стоявшим спиной к двери. Они о чем-то серьезно беседовали. Увидев сына, отец смягчился в лице и поманил его:

— Сначала присядь здесь! Мне еще нужно кое-что закончить, ты проголодался?